

ПО ПОВОДУ НОВЫХЪ ИЗДАНІЙ О РАСКОЛѢ

РАСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРИИ СТАРООВРЯДСТВА, ПЕРЕДАННЫЕ С. В. Максимовымъ по раскольниковымъ рукописямъ. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1861.

ЖИТІЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА, ИМЪ САМИМЪ НАПИСАННОЕ. Издано подъ редакцію Н. С. Тихонравова по раскрашенной рукописи Д. Е. Кожанчиковымъ. Спб. 1861.

ПОВѢСТЬ О НОВГОРОДСКОМЪ БѢЛОМЪ КЛОБУКѢ И СКАЗАНІЕ О ХРАНИТЕЛЬНОМЪ БЫЛІИ, МЕРЗКОМЪ ЗЕЛІИ, КЖЕ КЪ СТЬ ТАБАЦѢ. Два произведенія раскольниковей литературы. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1861.

Въ древней Руси въ каждой области существовало самоуправленіе, развивалась свободно-самостоятельная жизнь, обусловливаемая мѣстностью, племеннымъ характеромъ, особеннымъ родомъ занятій и дѣятельности и т. в. Съ усиленіемъ централизаціи эта самобытная жизнь должна была сглаживаться, подчиняться общему теченію и уровню. Не охотно разставались областные жители съ своею самостоятельностью и свободою, съ своими правами и стремленіями, и стояли въ оппозиціи долгое время къ новому для нихъ началу централизаціи. Въ смутное время самозванцевъ рушилось насильственное соединеніе областей; каждая область стремилась усилиться и возвратиться къ прежней самобытной жизни и пріобрѣсть свои старыя права. Но вотъ, съ Михаила Федоровича и особенно съ Алексѣя Михайловича, централизація усилилась, и въ это время, по собственному выраженію народа, ему казалось, что излились на Русь православную всѣ апокалипсическіе фіалы горести. При усиливающимся господствѣ Москвы увеличилась тягости и стѣсненія народа, который отвыкъ во время государственнаго безнарядья отъ повинностей. Въ массахъ явилось недовольство, и при указахъ, предписываю-

щихъ большіе налоги; народъ сталъ возмущаться. Помѣщиками дѣлалъ и натурою являлся цѣлый регионъ; не находилось промысла и варяга, которые бы не были обложены данью; самый провалъ: дороговизна. Особенно горько приходилось крестьянамъ, когда имъ управляли глѣбьимъ и девокныя повѣстности: въ сѣкли, мучили нещадно, случалось даже, что побивали на-смерть. Въ 1624 г. отъ вѣхъ операцій на Бѣлоозерѣ разбѣжались всѣ посадскіе. Изъ другихъ городовъ тоже всѣ недостаточныя, вся голытьба уходило отъ жестокостей или грозились, что разбредутся врознь. Воеводѣ посылали въ кормленье по областямъ, и они кормились на-славу: задачей ихъ было какъ можно больше замучить людей, а иногда они нападали на крестьянъ какъ разбойники и грабили ихъ. Правды и закона покажь, было негдѣ: они продавались на вѣсь серебра и домашнихъ продуктовъ; разселись ябедники, которые сдѣлали изъ правды себѣ ремесло; по соглашенію съ судьями, они обвиняли честныхъ людей въ различныхъ преступленіяхъ, чтобъ взять окупъ. Прикрѣпленіе народа къ землѣ и запрещеніе перехода отъ одного владѣльца къ другому заставляло многихъ бѣжать по украинамъ и искать «вольной воли». Государи-помѣщики часто воспали другъ съ другомъ цѣлыми вотчинами, были и разоряли крестьянъ, своихъ людей мѣняли на борзыхъ собакъ, проигрывали и отдавали чиновникамъ въѣзды, вѣтки. Тиранинствамъ не было мѣры: крестьянъ травили собаками, засѣвали десмерти, въ морозъ въ оляной рубашкѣ запирали въ холодныя хаты или ставили на снѣгъ босыми ногами; у женщинъ вырѣзывали груди, вѣшали на сугки вверхъ ногами, и безъ всякой совѣсти осверляли дѣвицъ и брачное ложе.

Недалеко подвинулось состояніе народа и при Петрѣ I; только при немъ еще болѣе становилось число недомольныхъ его сдѣланіями и нововведеніями. Его войны и постройки изнурили народъ рекрутскими наборами и сгубили тысячи людей; его преобразования были страшно тяжелы для народа, и народъ отказался отъ нихъ. Его жестока пытки, преслѣдованія и страшныя казни по одному ничтожному поводу и часто за одну покрывъ платья или ношеніе бороды возбуждали въ народѣ такую ненависть къ нему. Его механическое произвольное созданіе государственной системы управленія, сухое развитіе централизаціи до смѣшныхъ мелочей, преисподненіе чиновничествомъ областей, дѣленіе подданныхъ на касты, преархіе русской народной жизни со всѣми ея преданіями и любовь къ иноземному, — все это доставило въ враждебное отношеніе къ нему народъ, для облегченія участи котораго онъ ничего не сдѣлалъ, и разорвалъ съ нимъ его духовную связь. Петръ хотѣлъ образовать одно дворянство, а не чиновничество, а въ народѣ не заботился, считая его злымъ

раскольниковъ, неспособныхъ къ воспріятію его нововведеній Престой крестьянинъ Посашковъ напрасно писалъ на имя Петра, показывая, что за тяжести завалены на плечи народа, говорилъ, что его нужно образовать, что нововведенія вовсе не въ его думѣ, что «безъ шогосовѣтія и безъ вольнаго голоса ниоимъ дѣлы невозможно». Не упоминаетъ о жестокостяхъ во времена бирюзовщины и страданіи народа при Елизаветѣ Петровнѣ; скажемъ коротко, что втеченіе всего XVIII вѣка недовольство въ народѣ росло, росло и высоко поднялось. Ему навязывали различныя нововведенія, неспросясь его воли и желанія, неслышали на святость и цѣлость его убѣжденій, вводили неслышавъ превозносимыя реформы, которыя вмѣсто улучшеній приносили лишнія тягости народу. Негражданинныя искусства, права и требованія не имѣли никакого отношенія къ жизни и стѣсняли ея свободное развитіе на лихорадочный шагъ. Толпы иностранцевъ, какъ голодные пьянки, приручены были чаще безъ всякой надобности къ организму народному; вытягивали изъ него лучшіе соки и не давали ему свободного движенія. Эти просвѣщенные учителя не хотѣли понять коренныхъ народныхъ началъ и требованій духа національнаго, муштровали народъ по своей методѣ, считая его Иванушкой-дурачкомъ. Корпорация чиновническая и дворянская бросилась подрывать иностранныя обычаи и гнула въмечину на свою статью, пріучалась къ безсмысленной роскоши и легкой мишурной жизни, которая для насъ теперь кажется вѣдьмою и дикою. Какъ же должно быль постигнуть на соблазнительныя затѣи строгій, степенный тогдашній русскій мужикъ, на трудовыя деньги котораго барство тыщлось великаго рода прихотямъ? Ему показался такой образъ нововденія безбожнымъ, языческимъ.

Все хотѣли навязать народу внѣшними насиліями; все желали перестроить по своему произвольному плану, который не имѣлъ жизненныхъ разумныхъ основаній, никакъ не вѣдалъ съ душою, чувствами и стремленіями народными. Но при всемъ наружномъ повиновеніи, никакія жестокія стѣснительныя мѣры не заставили перемѣниться народъ и остались безуспѣшны: онъ упрямо тыщло въ себя, сдѣлался страшно подозрителенъ; не уступилъ ничего изъ своихъ убѣжденій, жилъ постарому, питалъ прежніе свои задушевыя мысли и часто за нихъ, съ отчаяніемъ въ душѣ, шелъ толпою на плаху. Народъ заявлялъ свои невольныя, естественныя требованія духа національнаго и стремленія къ самостоятельному развитію; его не понимали и не хотѣли признать законными и естественными требованіями. Онъ ни въ комъ не видѣлъ заботливости и покровительства: мірская сядка его не имѣла силы и

земля. Волки, рыскающихъ о помощи и помощи прошенія крестьянъ заглушались дикими, неистовыми криками вакханалій тогдашняго бортава. Горькія жалобы на притѣвленія не доходили до назначенія; крестьянъ гнали и били, когда они рѣшались обращаться съ своими требованіями; смѣльчаки, вздумавшіе прямо и открыто противостоять противъ наглыхъ уснетей, осуждались какъ бундовщики и мятежники, или безъ суда и слѣдствія погибали въ островахъ и рудникахъ.

Народъ шло искать утѣшенія въ тяжелой долѣ къ своимъ отцамъ духовнымъ, въ храмъ и за стѣны монастырей; но и здѣсь не находила покоя его страждущая душа, смущалась его мягкая совесть.

До XVI вѣка русскій народъ не имѣлъ достаточнаго понятія вѣры христіанской. Онъ ходилъ въ храмъ, твердилъ молитвы, проводилъ праздники; но дѣлалъ все безъ сознанія ихъ значенія, сифновалъ ихъ съ старыми языческими обрядами, одушевлялъ прежними понятіями и вѣрованіями. Въ XVI вѣкѣ начало пробуждаться сознаніе народа, и онъ сталъ вникать въ жизнь религіозную; замѣтилъ въ ней много чуждаго, несвойственнаго его духу и характеру. Народъ любилъ путешествовать въ монастыри для богомолья и за совѣтами къ людямъ, посвятившимъ всю жизнь на служеніе Богу; но встрѣчалъ тамъ мірское стремленіе къ богатству, чести и довольству, и вмѣсто урока и наставленія выносили тяжелое сломаніе ваденія жизни монашеской, воспоминалъ прежнихъ своихъ суровыхъ аскетовъ, которые были полны любви къ народу, благотѣлствовали ему и защищали его предъ сильными. Были искалъ представителей вѣры и нравственности, которые бы входили въ жизнь его, слѣдили за нимъ разумнымъ взглядомъ и руководили на пути умственного и нравственного развитія, но не находилъ такихъ умныхъ и дѣльныхъ руководителей. Въ народѣ развились потребности учиться, но правительство, взявшее на себя опеку ученія, не устроило никакихъ школъ для народа; а какія были, то ихъ преподаваніе было ненавистно народу и насколько не связалось съ его потребностями и характеромъ; онъ желалъ учиться у своихъ поповъ, но они или сами были тогда малограмотны, или не хотѣли заниматься ученіемъ народа. Тогдашнее духовенство большею частію погружено въ матеріальные интересы, не понимало стремленій народныхъ, дѣйствовало формально, не внѣшности, нецѣля духа и жизни; на свою обязанность смотрѣло какъ на оброчную статью, холодно, механически, небрежно относилось къ дѣлу вѣры и надъ внѣшностью религіи подъ пьяную руку не баялось кривить спина передъ народомъ. Въ жизни большей части духовенства

того времени главной стихіей была лѣнь, пьянство, скривленіе чести, ложныя показанія за нѣсколько копѣекъ, постоянныя, безобразныя ссоры причетниковъ между собою, ихъ судбища и клузы, брань и прихотами изъ-за нѣсколькихъ грошей, презрѣніе народныхъ нуждъ, лезть предъ высшими, особенно чиновниками и помѣщиками. Да и то нужно сказать, что оно могло сдѣлать, если его тѣснили и давили со всѣхъ сторонъ?

Лишенный утѣшенія въ религіи, народъ не предвидѣлъ никогда изъ своего безотраднago положенія, и поставленный щастливо въ этотъ замкнутый кругъ, онъ переставалъ развиваться своей гражданской нравственности. Недовольный порядкомъ или лучше безпорядкомъ дѣлъ, не имѣя силы открыто противодействовать напору неестественныхъ требованій, — народъ прибѣгалъ ко лжи и обману мѣстныхъ властей, къ заимательству и шарапотамъ и притворству всякаго рода, а кто могъ, дѣйствовалъ подкупамъ. Наружно исполнялъ народъ предписанія и повиновался распоряженіямъ по принужденію, изъ-подъ палки, нѣсколько всерьезъ чувствуя имъ, неубѣжденный въ необходимости и важности шѣрь, которыя предпринимались для его пользы, или лучше для пользы государства... Отсюда неуваженіе къ закону и увѣренность въ силѣ произвола его блюстителей: «не бойся суда, а бойся судьи», говоритъ онъ по опыту.

Въ силу этого убѣжденія народъ скрываетъ виновниковъ преступленія, считаетъ осужденныхъ закономъ несчастными. На исполнителей закона онъ сталъ смотрѣть какъ на враговъ своихъ и всѣ мѣры правительства перетолковывалъ по-своему, даже на самыя полезныя введенія смотрѣлъ подозрительно: они были далеки отъ требованій его духа и не находили въ немъ сочувствія и отзыва.

Между тѣмъ какъ большая часть народа грустно склоняла голову и подчинялась противъ совѣсти всѣмъ распоряженіямъ, на рѣзка въ нестерпимыхъ случаяхъ поднимая ее энергически и разумѣется не на радость, — другая часть народа протестовала неповиновеніемъ господствующему порядку и возстала противъ неустройствъ и безпорядковъ общественной жизни, противъ стѣсненія мысли и совѣсти, противъ неправды судопроизводства, противъ рабства и злоупотребленій мѣстныхъ властей, тягости налоговъ и безправія. Эти люди цѣлыми толпами безпріютно бродили по лѣсамъ, степямъ и пустынямъ, населяли новыя мѣста, бѣгая отъ рекрутчины, отъ податей, отъ паспортовъ, отъ судебныхъ проволочекъ на десять лѣтъ. Многіе цѣлыми партіями переселялись въ предѣлы Швеціи, Польши, Литвы, Турціи, въ Китай, въ Персію, на Кавказъ, въ Крымъ,

бѣжалъ отъ неправды государственной жизни, отъ низкаго произвола и произвола. Часть избравшихъ для этихъ бѣглецовъ, съ горькою печалью въ душѣ, старалась мстить господствующему беззаконію открыто, самою. Этихъ удалыхъ молодецъ заставлялъ бѣжать отъ житейскихъ невагодъ и подавляющихъ обстоятельствъ разладъ глубокой души, жаждущей дѣятельности и встрѣчающей гнетъ непреодолимый, тѣснота и духота жизни, изъ которой душа рвется на просторъ и требуетъ своихъ правъ и бѣшено стремится сломать тѣсную преграду всѣми возможными средствами, или сложить въ борьбѣ собственную голову, или же въ дикомъ весельи захватить парю и жажду дѣятельности зеленымъ виномъ. Отсюда появились такое множество разбойниковъ въ концѣ XVII в. и въ XVIII столѣтіи. Они, стояли на самостоятельности развитія народа, за его права, которые, такъ пошло поприради, на которыхъ не обращали вниманія, рид. мстимы за это презрѣніе къ народному голосу, хотѣли уничтожить виновниковъ его несчастнаго рожденія: вѣшали бояръ и священнослужителей, грабили и били купцовъ, жгли всѣ попадающіяся бумажныя казузы, четвертовали и мучили чинowników, военныхъ, приказчиковъ и управляющихъ за поборы и притѣсненія народа, выпускали на свободу осужденныхъ къ наказанію закономъ, который они ненавидѣли, какъ несоотвѣтствующій жизни народной. Несмотря на всѣ жестокости, какія только могла изобрѣсть злоба человѣческая, разбойники все размножались и съ ожесточеніемъ и твердостью выносили пытки. Въ одной пѣснѣ говорится, что ноги залугъ на висѣльницѣ удалого разбойника; его сопровождаютъ отецъ, мать, молодая жена и дѣти: и молятъ-просятъ его съ слезами, чтобъ онъ повиснѣлся, — и тогда простятъ его. Но

Каменѣтъ сердце молодецкое:
Онъ противится царю, упрямствуетъ,
Отца-матери не слушаетъ,
Надъ молодой женой не сжалится,
О дѣтахъ своихъ не болѣзнуеть.

Общее недовольство, сильный гнѣвъ на невнимательность къ нуждамъ, на презрѣніе страданій народныхъ даютъ глубокой смыслъ этимъ повидному дикимъ и безразсуднымъ возстаніямъ бѣглецовъ противъ административнаго порядка стараго времени. Весьма характеристичный рассказываетъ случай раскольническій старецъ Корнилій, какъ на него напали разбойники и что это за лица. Отдыхалъ разъ ночью Корнилій въ лѣсу за Москвою одинъ, разложилъ огонь и пѣлъ повечеріе; вдругъ явилось 35 человекъ разбойниковъ.

«Осмотрѣвши въ кошелѣ свои» — говоритъ онъ — и найдешь не большія, нужны мнѣ книги и случившіяся тутъ новѣсти о сдѣланныхъ разбойничихъ, и денегъ только десять алтынъ, — а потому и больше мнѣ читать книги. Читатель и мнѣ всю ночь; атаманъ слушалъ внимательно и наконецъ прослезился, приложивъ: отъ него и на деревстану я разбойничать, а ты, отче, слушай съ миромъ и въ бою не давай мнѣ еще сверхъ того инокостію, приложивъ: «Божественны вы есте!» (Рассказы Мале.). Тогдашніе разбойники дрались за даровую крестьянъ и свободу: поэтому народъ питаетъ свое сочувствіе къ нимъ, хотя и ему часто доставалось отъ ихъ шалостей, слагаетъ про нихъ свою поэтическую думу, обставивъ ихъ обитицами чертами облика всѣхъ этихъ добрыхъ молодцевъ, богато одѣланныхъ дарами природы, — молодцевъ, которые принимали славы близки къ сердцу явленію горькой жизни народа, не умѣли унять свою тяжестью существующаго порядка дѣлъ, и въ безумномъ разгулѣ забывали свою судьбу и тратили силы. Народъ до сихъ поръ и въ которыхъ оживляютъ всѣ ухищренія чиновниковъ и солдатъ въ борьбѣ съ ними; онъ влагаетъ въ уста разбойниковъ такіе рѣчи:

• Высылаютъ часты высылки солдатскія,
Они ловятъ насъ, хватаютъ добрыхъ молодцевъ,
Называютъ насъ ворами да разбойниками,
И мы, братцы, вѣдь не воры, не разбойники:
Мы люди добрые, ребята все повольскіе...»

Наконецъ противъ стѣсненія вѣсти, мысли и совѣсти, противъ безпорядковъ жизни гражданской и духовной возстала цѣлымъ тѣломъ народа, невѣстныя у насъ подъ общимъ именемъ раскольниковъ. Преслѣдуемые за свое смѣлое, энергическое противленіе силѣ и власти, они бѣжали по всѣмъ концамъ Россіи, крылись какъ дикіе звѣри въ темныхъ лѣсахъ, въ горныхъ вертепахъ и широкихъ пустыняхъ, а нѣкоторые уходили за границу. Бѣглецы и разбойники мало-помалу уничтожались, раскольники же наоборотъ — увеличивались съ каждымъ годомъ. Руководясь порывами ума и совѣсти на пути къ самостоятельности и свободѣ развитія, они организовали свое демократическое общество, составили тѣсное братство изъ шаранскихъ началахъ; стали въ оппозицію къ правительству, и никакая сила не могла поколебать ихъ задушевныхъ естественныхъ убѣжденій и стремленій.

Воровскіе казаки и разбойники были люди порывистые, люди дѣла, и не заботились объ организаціи общины; оттого и появленіе ихъ такъ безпорядочно и непродолжительно; а расколъ оттого росъ

и проповѣдники; что первымъ дѣломъ его была пропаганда и распространеніе общины; притомъ у него была сила жизни умственной и сила спокойной послѣдовательности въ устройствѣ и организаціи общины. Говилье и литовскіе гражданскіе правы, раскольники разбрелись по всей Россіи съ впервическою протавѣлю о послѣднихъ мѣрѣнахъ, съ проклятіемъ на устахъ господствующей церкви и правительства. Они всеми силами старались, считали святымъ долгомъ и обязанностью — разсѣвать свои убѣжденія, увеличивать число приверженцевъ. Одни бродили подъ личиною юродивыхъ, другіе подъ видомъ продавцовъ, разносчиковъ, офеней, третьи привлекали народъ своимъ затворничествомъ, суровою, истинно-христіанскою жизнью; вездѣ слышался ихъ звервическій голосъ — и на струяхъ, плывшемъ по широкой Волгѣ, и въ закомѣтыхъ мастерскихъ, и на фабрикахъ, и на заводахъ, и въ монастыряхъ, и на базарахъ, и на постоялыхъ дворахъ, и на свѣнокосѣ, и въ харчевняхъ. Народъ шлолъ толпами къ этимъ проповѣдникамъ, слушалъ съ жадностью ихъ пылкія рѣчи о спасеніи отъ житейскихъ тяжелыхъ обстоятельствъ, о терпѣніи во время гоненія антихриста и усердныхъ слугъ его. Искренно убѣжденные въ правотѣ своего слова и дѣла, живя потребностями и нуждами народными, эти наставники говорили въ его духѣ и характерѣ, со слезами на глазахъ, съ горячимъ участіемъ къ угнетенному народу, жертвовали своей жизнью, какъ ясно видно изъ «Житія протопопа Аввакума» и какъ увидимъ мы дальше.

Ихъ проповѣдь была направлена именно противъ тѣхъ злоупотребленій, отъ которыхъ страдалъ въ то время русскій человекъ и въ судѣ, и въ быту житейскомъ, и по части торговой. Народъ чувствовалъ, что слова раскольника дышатъ правдой: все, о чемъ онъ такъ горячо разсуждаетъ, крестьянину бросается въ глаза чуть не каждый день, — и онъ увлекался обѣщаніями спасти свою душу и избѣгнуться отъ тягостей жизни. Вотъ почему ученіе раскольниковъ такъ широко обхватило русскій народъ. Съ другой стороны, ихъ согласія и общины были открыты для всѣхъ желающихъ и преслѣдуемыхъ закономъ; тамъ cadaго принимали какъ преслѣдуемаго антихристомъ, какъ несчастнаго страдальца. Въ общинахъ раскольниковъ находили пріютъ и бѣглый солдатъ, и раструженный полкъ, и пьяница-монахъ, и колодникъ, ускользнувшій изъ острога, и подьячій, и бѣжавшій крестьянинъ отъ рекрутчины. Какъ ни далеко отдѣлялись разныя согласія другъ отъ друга про-
страйствомъ, но они имѣли постоянныя сношенія; одно общество посылало къ другому своихъ выборныхъ представителей, писало

послания и увещанія въ случаѣ нужды, споспѣшествовавши раскольникамъ; изъ выборныхъ составлялись соборы, на которыхъ разсуждали о ученіи и о поповщеніяхъ, о шѣрахъ протидѣйствіи напору силы и т. п. Одно общество предудреждало и вѣщало другое въ случаѣ опасности, сообщало новости, интересныя для братства. Въ критическихъ случаяхъ они дѣйствовали различными способами, имѣли самыхъ вѣрныхъ агентовъ въ Москвѣ и Петербургѣ и большія связи, сыскавъ деньги, гдѣ слѣдуетъ, изъ общественнаго капитала, который всегда былъ очень значителенъ: казари у рогожскаго кладбища онъ простирался до 12 миліоновъ. Переговоря о мелкихъ чиновникахъ, губернаторы и сильныя міра сего были въ ихъ рукахъ. И нужно удивляться практической мудрости и здравому смыслу этихъ простыхъ русскихъ темныхъ людей, когда они хорошо знали слабыя стороны и умѣли водить за носъ прославленныхъ особъ, сразу отгадывая, какъ подѣлать къ нимъ и сговорить съ ними пивко. Они говорятъ о себѣ въ этомъ случаѣ, что нельзя же обойтись безъ столкновеній съ властями, и мы дескать подражаемъ Никодиму — днемъ бываемъ въ жидовскомъ синагогѣ, свнедріонѣ и въ синагогахъ съ фарисеями и книжниками, а ночью бесѣдуемъ съ учениками христовыми и съ самими Господомъ; такъ какъ за правду насидишься въ острогѣ, до конца разорившись по хозяйству и промысламъ, то беремъ иногда грѣхъ на душу — не малчиваемъ о правдѣ, и каемся въ этомъ въ общемъ собраніи вѣрныхъ. Когда же не удаются имъ попытки, то эти Никодимы сейчасъ возстаютъ противъ власти, открыто сопротивляются распоряженіямъ и твердо отстаиваютъ свои убѣжденія, — и тутъ уже не помогутъ никакія увещанія, угрозы и обещанія. И чѣмъ больше употребляли противъ нихъ строгости, тѣмъ сильнѣе они отстаивали свои права.

Общины раскольническія поставлены такъ, что и послѣдней бѣднѣ имѣетъ въ ней голосъ; они руководствуются общимъ приговоромъ въ сомнительныхъ и судебныхъ дѣлахъ, а чаще всего чрезъ выборныхъ. Эти лица пріобрѣтаютъ свое нравственное вліяніе не протекціей, авторитетомъ или родовымъ преимуществомъ, но личными качествами, подвигами, трудами и заслугами. Этимъ выборнымъ общество повинуетъ охотно и безпримословно, не изъ страха и боязни наказаній, но по убѣжденію въ добросовѣстности ихъ дѣйствій, въ безкорыстныхъ стремленіяхъ ради общественной пользы. Они руководятъ въ обществѣ судомъ и расправой, и ихъ приговоры никто не осмѣливается нарушить, и рѣдкій раскольникъ прибѣгалъ къ правительственному суду: онъ

иначе звать его прозелити, его прозелитамъ и безжизненность. Раскольниковъ имѣютъ такого рода право: «лице это пойдетъ подъ двоярный судъ: о всякихъ мірскихъ мѣждорѣчій, а христіанскій судъ пристраенъ, тавога отъ христіанства: отлучить.» (Иван. о расколѣ, ч. 2, стр. 50). Часто собираются они міромъ-соборомъ потолковать объ обстоятельствахъ, имѣющихъ вліяніе на ихъ самобытную жизнь, о торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ, объ устрояствѣ порядка въ общинѣ, о распространеніи старой вѣры и т. п. Они знаютъ, что умъ хорошо, а дѣла лучше, и результатомъ такихъ общихъ сходокъ является какое-нибудь полезное заведеніе въ видѣ училища или богадѣльни. Они всегда поддерживаютъ своихъ сиротъ, помогаютъ въ случаѣ неудачи жъ общественной жизни, а богатые даютъ капиталы для оборотовъ людямъ промышленнымъ, крестьянамъ доставляютъ работу за отивчивую плату, и они трудятся добросовѣстно и усердно; жемъ кормить рабочихъ и кормить, и сѣмъ часто обѣдаютъ съ ними, рассуждая о дѣлѣ и выслушавъ замѣчанія жастерошкихъ. Подвергшагося суду и попавшаго въ каменницу, раскольникъ-раскольникъ обратъ не выдадутъ: они выловуютъ за него, защитятъ и выкупятъ. Отъ этой общинной соли, между раскольниками почти вовсе нѣтъ обданаковъ, которые такъ много между православными. О честности въ дѣлахъ между раскольниками и говорить нечего.

Враги въ раскольническихъ общинахъ совершаются не большой части не взаимному согласію и съ благословеніи родителей. Всего замѣчательнѣе въ этомъ случаѣ то, что имѣя свободу бросить свою жену, рѣдкіи раскольники рѣшаются на это, рѣдкіи жемадеть жена нерешимъ, или особеннаго рода неудача въ выборѣ застаиваетъ его прибѣгать къ разводу. Нельзя тамъ не обратить особеннаго вниманія на то обстоятельство, что женщина у раскольниковъ имѣетъ большае значеніе и вліяніе, чѣмъ у православныхъ. Нерѣдко она руководитъ дѣлами общины, управляетъ въ некоторыхъ службахъ церковныхъ, занимается распространеніемъ раскола и обученіемъ дѣтей грамотѣ и рещеніемъ въ нихъ убѣжденій въ духѣ своей общины.

Вообще обученіе дѣтей грамотѣ и отчасти вѣрѣ предоставляемо почти исключительно жемщинамъ-жастерницамъ и скитницамъ, у которыхъ жемъщается или собирается часто цѣлая школа. Дѣтей обучаютъ лѣвійю, кромѣ грамоты, четкому полууставному письму, а дѣвочекъ сверхъ того рукодѣлю. У раскольниковъ есть школы жемщескіи или жемоншескіи, водятся также тайныя высшія училища, въ которыхъ преподается вѣроученіе ихъ опытыми наставниками; иногда выходятъ ихъ наредѣе учителя. Грамотность и начитан-

ность распространены между раскольниками преимущественно съѣзды чѣвъ у православныхъ; женщины настолько же многочисленны какъ и мужчины, а это дѣло не маловажное. Тамъ, какъ раскольники болѣе промышленны, трудолюбивы, трезвы, дѣлаютъ много благосостоянію чѣвъ православныхъ, такъ съѣзды раскольниковъ господствующему порядку принуждаютъ обдумывать свои дѣла, и соображать средства, чтобы дѣльце достигнуть дѣла, — за это тамъ они бойчѣе и неравнодушно разбиты православными, самодовольству и не предпринимаво ихъ.

Несмотря на всѣ пресѣлованія и стѣсненія, раскольники дѣлаютъ свои дѣла отнюдомаку, и всегда успѣшно устроили благосостояніе своей общины. Они завели свои типографіи, издали книги и раздали по всей Россіи; доселѣ много они издали книгъ, такъ узнаныя народамъ, имѣютъ даже для продажи книги, и фотодово, образцовъ и другихъ изобильныхъ. Для раскольниковъ принадлежатъ въ скитахъ, общинахъ, при часовняхъ и моленныхъ еще образцы свои библиотекы, гдѣ, какъ прѣдъ нами мы видели, издавали и продавали свои печатающіяся и печатныя; руководили промагъ выборъ книгъ, и объясняли прочитанное пообозначательнымъ. Словообразованіе, лексическая дѣятельность раскольниковъ развиты въ немалыхъ размѣрахъ. Сила мысли и слова, какъ развивается въ глубинѣ, въ обществѣ, въ искренней любви къ церкви и къ ближнимъ и къ народамъ ихъ выраженіи. Въ своихъ книгахъ, онъ издавалъ и продавалъ долю «ослажденья сердцаго благочестія», и жалуются на неосвѣщеніи жизни общества.

Потребности жизни на заколахъ удовлетворенія гдѣ, авторитарно нашей, и потому раскольники такъ пристрастны къ арваной русской письменности, въ которой встрѣчается много нравственныхъ картинъ, особенно въ житіяхъ святыхъ и въ апокрифическихъ сочиненіяхъ. Въ жизни религіонной раскольниковъ много удовлетворенія естественной склонности къ догматизму, порядку и чувству справедливости, чего не много было въ церквахъ православныхъ въ старое гды. Въ раскольническихъ моленныхъ и скитахъ престои, рункиіи чловѣвъ надолитъ: пищу своей набожности, своему стремленію къ излеществу: тамъ онъ видитъ строгій порядокъ, непорочность, и разговоромъ, и смѣхомъ, тамъ все чисто и благообразно, видятъ нараспѣвъ, поютъ въ духъ русскаго народа — проглаголю, заулыбаю, все исполняютъ по чину. Въ скитахъ къ простому, мужику, доступны, никто его не толкаетъ, не бранитъ; тамъ заботятся и кормятъ его, если онъ нуждается, дадутъ совѣтъ, самый практический, похотатайствуютъ за него предъ абрихантамъ, заботятся

справъ, или чиншомъ, къ земь, ему нужна. Во всякомъ случаѣ расколъ приметъ участіе, утѣшатъ въ дождь и разгонятъ лишнее со- вѣтціе. Общественно нападаютъ на поповъ, бѣглыхъ, и избран- ныхъ, наъ среды ихъ самихъ; не думаютъ по крайней мѣрѣ, что- бы жиды ихъ была слиткомъ прозорлиа, потому что такихъ расколь- никовъ скоро вырываютъ отъ себя, а о злоупотребленіяхъ гово- рятъ, не стритъ большого труда: сами раскольникъ бѣжали отъ зло- употребленій и не ищется съ ними, ищутъ лучшаго. Все-таки они ищраютъ совѣсть свою челоуку сочувствующему имъ свободно, будетъ ли это ихъ братъ, крестьянинъ, или бѣглый попъ, поступаю- щій въ ихъ общину. Самое дробленіе раскола на различныя секты, борьба и вражда между ними доказываетъ ихъ стремленіе къ усо- перфекцірованію, а не застою жизни. Они съ благоговѣніемъ вспо- минаютъ лица, пострадавшія за нихъ убѣжденія или съ усмѣхомъ воспретрадавшія старую вѣру, считаютъ ихъ святыми и имена ихъ крестьяне чернилами вносятъ въ святцы. У нихъ есть священныя дѣла, посты, ключи и перерья, чтимыя дни по воспоминаніямъ событій изъ исторіи раскола: къ нимъ ходятъ они на поклоненіе, берутъ дески, стружки и воду къ надеждѣ получить исцѣленіе отъ бодьбы.

Въ самыхъ домахъ раскольниковъ господствуетъ порядокъ, чи- стота и оидность и доводитъ эти качества даже до крайности: дощаткаго скота они не держатъ въ избахъ, гдѣ живутъ, а если взойдетъ печальнаго собака, раскольникъ мочитъ и даже скоблетъ иѣсто, гдѣ она пробѣжала, и ркуриваютъ избу ладаномъ. Осо- бенно стараются риди о благообразіи и чистотѣ божницы, кото- рая часто задегивается пеленой; а въ отаѣальной горницѣ около божницы часто развѣшаны дѣстовки, хранится кадильница, ви- сятъ лампадки, столъ накрытъ скатертью. Одежду раскольникъ любитъ широкую и темнаго цвѣта, въ старомъ вкусѣ; цвѣтныхъ платьевъ и особенно вѣмецкой одежды не терпитъ: онъ говоритъ, что натуральныя цвѣты оттого нынѣ не дѣбютъ соку и жизни прежней, что размножились цвѣты на шалахъ и ситцахъ; поэтому и лядва стала мереть часто отъ недостатка пшени, и меда теперь не- достатокъ хуже прежнихъ. Одежда и борода для него священны: преледъ ихъ отстоядъ эту оригинальность, національности своей криво, вынуждала за нее двойной окладъ и носила особое платье на пошивище, по приказанію Петра. Вся мелкія обычаи у расколь- никовъ правичнуты своеобразнымъ, самобытнымъ взглядомъ; по- сродъ строгости и простотѣ жизни, все излившее, всякую ро- яльность, которая противорѣчитъ духу народному, они считаютъ пре-

досудительною слабостью; презираетъ всякую лесть; великое уваженіе предъ гордыми и сильными земли; гдѣ уничтожается свобода, самостоятельность и человѣческое достоинство; гордымъ величавымъ были ея выраженія. Въ послѣднее время... говорятъ бытъ на каждомъ дворѣ будетъ стоять шинащій мѣсъ; сирѣчь въ хлѣбѣ само варь; отъ чая, по ихъ словамъ; не бѣгаетъ толпою отъ чашки чаю потому что китяне листья чайной травы окропляютъ чашку жертвенною водою и мѣняютъ на товары, чтобы безвернуть души христіанскія; а кто пьетъ кофею, тотъ на Христа строитъ кофю. Королева узкое платье, всѣ женскія модныя украшенія, челны и шляпы она признаютъ образомъ бѣсовскихъ звычавъ. Шенные платья она считаютъ богопротивными; носить ихъ стали по приказу французскаго короля Карлуса, который заставлялъ ходить народъ съ челны на шеѣ въ наказаніе зато, что будто бы удавилъ его отца. Вотъ что говорится въ раскольнической рукописи, которую увидѣлъ я въ Сибирскѣ; она принадлежала крестьянину деревни Калашенки: «Якоже быша въ дни носвы... Нынѣ подобно тѣмъ же старымъ дни придоша къ намъ, и надобно бы намъ походить по неспасительнымъ путямъ, и о многостыжаніи а сладкой пищи, и на шее у женахъ неподобало бы и подумать, но еще кому, что и горько всего — не покорятися церкви, не стричь волосы и имѣть подъ ногами скрипь. Сіе кажетъ насъ, что мы не въ истинной христіанствѣ вѣрѣ и не имѣемъ благодати св. Духа, чтобы сорвать сердцевою землю нашу, и отъ сего всяко бы были плоды, еже рече апостолъ: плодъ духовный есть любви... Но сего всего не имамы, но равно тѣ же зима и мразове, что и у антихриста скрипятъ подъ ногами. (Изъ посланія неизвѣстнаго).» А касательно уваженія своего человѣческаго достоинства предъ сильными въ наружныхъ звычавъ вотъ какъ говоритъ та же рукопись: «Нынѣ мало видѣтъ чужаковъ, чтобы стояли предъ божественною иконою со страхомъ и трепетомъ и съ благоговѣніемъ, якоже падлежитъ; но боже много видѣшь предстоющихъ предъ тою иконою; иже имѣтъ въ себѣ двѣ власти, духовную и плотскую, и содержитъ въ себѣ гордыню орла и обладаетъ только тѣломъ, а не душею; и ту икону едва чуть завидятъ или слышатъ, то кидаются съ шестя безъ страха, готовы хотябы и на ножъ, и стануть предъ нею со страхомъ и трепетомъ и благоговѣніемъ многымъ и кравнымъ и бѣшенымъ, и опрятуютъ всѣ уды тѣла своего, и не знаютъ какъ и что должно стать...» Особенно не терпитъ онъ; когда изъ прихода нарушаютъ посты или оскорбляютъ святиню храма: апостолъ предвѣщаетъ, творять они, стоятъ въ церкви непокровенными главы, а нынѣшніе

покрываютъ главы париками, и такъ колотъ въ церковь въ полатю. Вообще часто слышатся вопросы: зачѣмъ раскольники облекаются такими фантастическими сказками свои мысли? Отчѣмъ привязываются къ самымъ безразличнымъ обрядовымъ мелочамъ? Эти вопросы чуть-чуть что не похожи на такого рода тоже вопросы: зачѣмъ суздальскія любочныя картинки не рисуютъ на французскій манеръ? — Да, для насъ странно это кажется; но если встать въ попристальце въ старую жизнь и въ степень развитія раскольника, такъ удивляться-то много нечего. Прежде русскій человекъ жилъ такъ сказать цѣльно, имѣлъ нераздѣльный взглядъ и на вѣру, и на гражданственность, и на науку, въ видѣмъ созерцанія онъ видѣлъ движущуюся предъ нимъ жизнь со всѣми ея разнообразными выраженіями, не зналъ нашихъ уродливыхъ стилистическихъ подраздѣленій и дробленій, — и для него такъ же была важна егубая аллилуя, какъ ношеніе иноземнаго платья, какъ введеніе паспорта и подушнаго оклада; однимъ словомъ — онъ имѣлъ произвольное стремленіе перестроить жизнь народную по собственному вѣру, закопать въ заморскія цѣпи и дорожки каждую мелочь, которая пришла по душѣ предкамъ и завѣщана была имъ какъ родное достояніе и выраженіе жизни духа. На этихъ мелочахъ применіяхъ жизни онъ только и могъ объяснить что онъ хочетъ и что ему противно: до отвлеченностей онъ отроду не отходилъ! Съ неразвитымъ разсудкомъ, непонимая ея причины и результатов, онъ поневоле долженъ былъ прибѣгать къ фактамъ, облекать готовыми образами и аллегоріями свои мысли. И онъ вѣрше и скорбе достигалъ своей цѣли, чѣмъ всѣмъ противникомъ раскола; действительное на него силеча тяжелыми силогизмами, составленными по всѣмъ правиламъ искусства, при помощи полдюжины убдительныхъ доказательствъ. Чѣмъ сильнѣе и разительнѣе могъ представить раскольникъ тягости и мученія народа, какъ онъ изображенъ послѣдняго времени или сравненіемъ себя съ лучшими первенствующей церкви? Этому-то фантастическому обозрѣнію и обязаны своимъ происхожденіемъ сочиненія о происхожденіи табака, который представляется выросшимъ изъ тѣла блудницы; зарытой въ могилу вмѣстѣ съ собакой; о происхожденіи картофеля такое же; сказаніе о хмѣльномъ питіи, отъ чего суть «установился горелое вино душепагубное», которое курить научилъ людей сѣть.

Въ такомъ же духѣ и характерѣ недавно издана брошюрка г. Кожищниковымъ; въ ней заключается «Повѣсть о повгородскомъ бѣдномъ клубкѣ»; извѣстная изъ актовъ и Памятниковъ словесности,

разсужденийъ въ видѣ предложенія къ Русскому Слову, въ Синодѣ, и пріимательномъ быліи мерзкомъ залинъ, еже есть табакъ». Затѣмъ въ виду прочимъ разсказывается, какъ ангелъ явился одному чуждому иностранцу сказать людямъ, чтобъ они отстали отъ богопротивнаго зелья табачной травы: на лицѣ ихъ недостойтъ крестнаго знаменія, воображати, «не чуждѣ Господь ниже тѣлесъ ихъ съ дѣрными, по гребати, ниже близъ святыхъ церквей, ни молитвы святыхъ творити подлѣ ними, ни пѣнія, ни службы, ни причощенія за еднѣ взимати, ади они Богу вражд, а дѣволу тѣ друзи въ животѣхъ своихъ». Потомъ ся Богородица явилась на Красной горѣ недужной дѣвцѣ Овсѣѣ, и между прочимъ сказала: «нидѣства оставила бѣ, табакъ отиждѣ не инаибѣ: проклатъ бо есть отъ Бога и отъ св. отцѣ; егда кто его поидѣтъ, въ то время земля дрогаеть, Богородица вострепетѣтъ и лебо кочкнѣтѣся у божіа престола стоа». Въ этихъ сказаніяхъ, является творческая народная фантазія съ своими обычными мотивами: въ древней русской письменности чрезвычайно много подобныхъ разсказовъ о явленіяхъ святыхъ людямъ въ случаѣ общественныхъ несчастій, съ правоучительными наказами. Нѣхъ дѣлаю ланче какъ смѣяться надъ этими повѣстями и сказаніями, какъ дѣлають индѣе; но трудновато повати и обьяснити едѣ, почему они въ такой формѣ вылились изъ духа народаго, какію, мнѣ дѣ прометъ они полѣ своимъ фантастическимъ костюмомъ.

И на расколъническія сочиненія смотрѣди, да обскурантъ, да царь смотрати, какъ на складочное мѣсто всякаго рода дѣлѣностей, какъ недавно доказалъ блистательно своей громадной книгой Александръ Б. Но оставимъ мертвыхъ погребати мертвѣдѣмъ, не будѣтъ тревожити старый хламъ, не побезпокоимъ господѣ, которые дѣлались въ расколъническихъ сочиненіяхъ къ однимъ несообразностямъ и мелочамъ. Что съ нихъ спрашивать, когда вся ихъ жизнь была ничтожество и мелочь? Перейдемъ лучше къ явленіямъ итѣнительнымъ въ дѣлѣ раскола, на который обратили въ послѣднее время серьезное вниманіе, чего онъ давно стоить. Недавно кто-то выразился, что вопросъ о расколѣ сталъ моднымъ. Это неправда: скорѣе нужно видѣть въ немъ одинъ изъ насущныхъ вопросовъ времени, до котораго добрались самымъ послѣдовательнымъ, логическимъ путемъ. Явленіе такой важности и такое запутанное, не мѣжа сразу рѣшити; намъ извѣстно, что нѣкоторые изъ ученыхъ готовятъ статьи по этому предмету; мы съ своей стороны высказали только соображенія по поводу новыхъ изданій о расколѣ и будемъ высказывать ихъ при разборѣ самыхъ книгъ. Да не заподозритъ дѣсь читатель въ издѣнцемъ пристрастія къ расколу: мы знаемъ его не-

достоинствъ и талантовъ и, подобно какъ давно и мрачно изображали, такъ теперь дѣлать подобно повтореніе.

— Преподаны лежатъ небольшая книжка г. Максимова: «Рассказы изъ исторіи старообрядства, переданныя по раскольничьимъ рукописямъ». Изд. Д. Е. Кожанчикова.» Она служитъ отличнымъ руководствомъ, какъ можно изъ раскольническихъ сочиненій добывать матеріалы для исторіи и для уясненія взгляда на появленіе и жизнь раскола. Г. Максимовъ смотритъ прямо и безпристрастно на сочиненія раскольничьихъ, касается и недостатковъ ихъ; но при чтеніи его работъ въ почувствуется не отвращеніе къ своимъ собратьямъ, не любовь и дружбу, и если мелькнетъ улыбка на вашихъ устахъ, то это дѣйствительности и простоты, возрѣнія или отъ оригинальнѣйшихъ обротовъ и выраженій авторовъ раскольническихъ сочиненій. Этотъ г. Максимовъ назначалъ свои рассказы для всякаго образованнаго читателя, а не для специалистовъ, которые давно знакомы съ предметными сочиненіями. Они пополняютъ недостатокъ знанія внутрѣнной жизни раскола, указывая, гдѣ нужно, на востороннія свидѣтельства и имѣютъ глубокій взглядъ на явленіе раскола въ русской жизни. Они говорятъ въ предисловіи къ рассказамъ:

«До сихъ поръ мы слышали только однихъ противниковъ раскола, слышали его защитниковъ и приверженцевъ; явились только одни обвинители и судьи, невольно было обвиняемыхъ, несмѣшно ихъ оправдывать. Оттого-то вообще такая неясность и запутанность понятій о (какой) сущности дѣла; оттого-то обнаруженіе раскольничьихъ сочиненій сколько не необходимо, сколько и полезно. Они одни въ состояніи выдѣлать окончательно этотъ туманный и запутанный вопросъ въ русской жизни, который заурядъ съ московской земщиной, съ народными движеніями на Дону, Волгѣ, Уралѣ и въ Новгородѣ, представляетъ самыя яркія и законченныя картины въ русской исторіи: это едва ли не вся исторія русскаго народа.»

— Да, не впрямую же въ расколѣ таится такая несокрушимо живучая и дѣйствительная сила, не напрасно тысячи людей погибли, отступая отъ него, въ самыя варварскія истязанія, а тысячи продолжительно страдали смертн.

— Мѣра чужбы народа переполнилась при Алексѣѣ Михайловичѣ, не царь, считая его благонестивымъ и добрымъ, надѣялся еще, что царь избавитъ его отъ тягостей и поведетъ путемъ по исторіи, просилась ити его природа. И вотъ цѣлый рядъ челобитныхъ полетѣлъ къ нему со всѣхъ сторонъ — и отъ частныхъ лицъ, и отъ цѣлыхъ общинъ; главное содержаніе этихъ челобитныхъ состояло изъ искреннихъ жалобъ на нововведенія церковныя и гра-

железья, на тягости жизни и бѣдствія народа. Раскольники не исправленные Никономъ книги народъ не хотѣлъ принимать, звалъ Никона за чловѣка самовластнаго и гордаго, способнаго къ нужнымъ и произвольнымъ реформамъ. Когда Алексѣй Михайловичъ повернулся не на путь, указываемый голосомъ народнымъ; отвергъ на соборѣ 1666 года противниковъ реформъ и началъ гнать ихъ; тогда составилось общество хранителей-народныхъ началъ, дружно провозгласившее царя и патриарха антихристами и стало въ оппозицію съ церковью и государствомъ. Явился Степъка Разинъ и народъ сталъ подъ его знаменемъ, пошелъ искать своихъ правъ, своей свободы; по областямъ открылись бунты и во всѣхъ раскольникахъ приняла дѣятельное участіе. Но открытыя возстанія были подавлены; зашолкъ съ ними громкій гомель народа, общество было бѣшено на борьбу прямую. Послѣ этихъ неудачъ оно прибѣгло; намъ видѣли, къ другимъ мѣрамъ... въ тишинѣ дѣлало свое дѣло, отстаивало цѣною жизни свои права, свои начала, и доехало до смерти одно и то же.

Въ XVI и XVII столѣтіи мало стали доврять на Русь и грекамъ. Въ раскольнической литературѣ приписываютъ ихъ катро-поведшіе церемоніи вѣры подъ вліаніемъ латинянъ и турокъ. Въ солонецкой негодной прямо сказано: «Нынѣшніе, государь, греческіе учителя прѣзрѣаютъ на испраждать, но злата и сребра и вещей собираютъ, а миръ истощаютъ. Въ лѣпоту бо имъ самимъ прѣзрѣаютъ учивше православній христіанской вѣрѣ и благочестіа похвалити.» (с. 105) Въ «Повѣсти о бѣломъ клубукѣ» рассказывается, что когда турки плѣнили Царьградъ, — отъ безбожныхъ варваровъ нѣкоторые благочестивые хотѣли соблюсти книги греческой вѣры и съ ними отплыли въ Римъ; латиняне заинтересовались; хотѣли изучать, но цари, ради ихъ отступленія отъ православія, «улучивша время, принесенныя отъ грекъ книги въ свой римскій языкъ преложиша, а греческія книги вси огнемъ сожгоша» (изд. Кожанч., стр. 4). Арабскій расколучитель тоже говорилъ Алексѣю Михайловичу: «лучше, государь, старымъ грекамъ вѣрить, а не нынѣшнимъ плутомъ, турскимъ свидѣтелемъ, которые смѣняютъ вѣру и продаютъ за злато, за сребро и за соболи сибирскіа.» Признавая, что и Никонъ заразился этимъ латинскимъ и византійскимъ проказнымъ духомъ, раскольники особенно напали на него, звали всѣ господствующіе въ духовенствѣ недостатки на одного патриарха, приписали ему и грекамъ причину паденія царя и извращенія стараго порядка народной жизни. Возмущали раскольниковъ не одинъ Никонъ и царь, но безпорядки господствующей церкви, духовенства, государства и

мостей. Изъ слѣдующихъ словъ Федора Дьякона ясно видно, что тогдашнее духовенство утратило довѣріе народа, какъ несоответствующее своей дѣли:

«Учители настоящаго вѣка — пишетъ онъ — кони сатанины, ниже видѣ святыи Іоаннъ Богословъ. И каковы сами преступницы отеческихъ преданій и законовъ, таковыхъ и въ причтъ поставляютъ неискреннихъ въ писаніи простяковъ, воровъ и пьяницъ, и гнусное житье отъ вноети проходящихъ.»

Мы могли бы исписать цѣлыя страницы перечисленіемъ тѣхъ недостатковъ, которые господствовали въ духовенствѣ въ это время, не касаясь раскольнической литературы, но это кажется дѣломъ избыточнымъ и не требуетъ длинныхъ разсужденій. О деспотизмѣ Никонова любопытствующіе могутъ прочитать въ исторіи Соловьева или въ запискахъ, вѣтъ такъ давно изданныхъ русскимъ археологическимъ обществомъ.

Въ «Рассказахъ изъ исторіи старообрядства» г. Максимова есть отличное объясненіе, почему масса народа бѣжала отъ своихъ законныхъ попковъ и пошла охотно за простыми мужиками, пономарями и сиротничками книгъ, признала ихъ истинными учителями веры и нравственности. Г. Максимовъ передаетъ «повѣсть душеполезную о житіи и жизни преподобнаго отца Корнилія», написанную ученикомъ его Пахоміемъ изъ устъ самого учителя «отъ истины въ пользу слушающимъ и чтущимъ душамъ и въ наслажденіе житію добродѣтельному.» Корнилій принадлежалъ къ числу тѣхъ странниковъ, которые тонами ходили отъ монастыря до монастыря въ то безмолвное время. Онъ жилъ въ комельскомъ монастырѣ двадцать четыре года, былъ въ Москвѣ въ симоновскомъ, сергіевомъ, у Сназда на Цоямъ, въ Чудовѣ, въ Новгородѣ у митрополита пекъ хлѣбы, потомъ за искусство въ этомъ дѣлѣ вытребованъ къ патріарху; онъ молчалъ предъ Никономъ, который предлагалъ ему мѣсто игумена деревяннаго монастыря, но онъ отказался; не терпѣвъ Корнилій дозволений, и когда увидѣлъ, что за убѣжденія жгутъ и гонимы рубать, бѣжалъ на Довъ, чрезъ два года пробрался отсюда въ истринскій монастырь, потомъ въ Нилову пустынь. Приѣхали надсмотрщики сюда узнать, по новоисправленнымъ ли книгамъ совершается служба, и когда священникъ отказался править литургію по новому, взялся служить приѣхавшій поплъ. Три раза его оставалъ Корнилій, когда онъ говорилъ не по старымъ книгамъ и, какъ пономарь, ударилъ его по головѣ «кадиломъ съ разжженнымъ углемъ» и разбилъ голову до крови. Товарищи новооставленнаго

непа вбѣжали въ патарь, схватили Корнилія за волосы и разорвали голову объ полъ до крови. Началась драка; Корнилія въ суматохѣ бѣжалъ вмѣстѣ съ Пахоміемъ, писателемъ его житія. Явилось тамъ въ олонецкомъ уѣздѣ и здѣсь Корнилія постоянно странствовалъ и перемѣнялъ мѣста жительства. Его вліяніе на народъ было огромное: онъ, «пьянства и празднословія гнушася отъ дѣтства и до кончины житія своего весьма сего сохраняяся», велъ жизнь дѣлоудренную, сохранялъ строгій постъ; время проводилъ въ молитвѣ и трудахъ; онъ говорилъ: «проклятъ есть тунедець». Онъ часто бесѣдовалъ съ крестьянами и самъ училъ ихъ грамотѣ. Въ Каргополѣ преслѣдовали Корнилія враги, но игуменъ спасоубицкаго монастыря любилъ старину и защищалъ Корнилія, да и посѣдѣе все были на его сторонѣ. Этотъ полуграмотный пономарь основалъ въ Новгородѣ общежитіе, изъ котораго выходили учителя по всей Россіи. Изъ его учениковъ еще при его жизни нѣкоторые уже были страдальцами за вѣру: такъ въ Каргополѣ на морозѣ стояли Андрей Семьголовъ и другой Андрей съ братомъ и потомъ сожжены, а да и Аванасій кузнецъ съ Озерецъ пострадалъ на Чарындѣ. Въ трехъ застѣнкахъ былъ битъ, потомъ клещами ребра ломали и туловище вытаскивали, потомъ въ зимнее время въ нестерпимые морозы обливали стопами, и студеную воду со льдомъ на голову поливали на четыре часа, донележе отъ бралы его до земли носки смерзли, аки поросеніе, послѣди же огнень сожженъ бысть; тако скончался. Сынъ же мученицы отъ отца Корнилія научены быша православію; добоуется Пахокій. Известно, что въ это время начались страшныя преслѣдованія раскольниковъ; «царь государь, по слованъ Царя рина, ревнуя по церкви, повсюду капитановъ и раскольниковъ истощекки изыскиваше и пустыпныя ихъ еретическія жилища разбиралъ; самыхъ же оныхъ непокоряющихся смертію; ранами и заточеньемъ смерилъ.»

Въ разказѣ о Никонѣ Андрее Денисова, передаванномъ въ Москвѣ, выразилось все отвращеніе раскольниковъ къ рабской, шумной жизни патріарха, къ его крутому деспотическому характеру, къ самоуправству, по которому онъ гнулъ всехъ съ нимъ сталкивающихся. Здѣсь передано очень много сказаній народныхъ, самыхъ фантастическихъ, о жизни Никона; во всѣхъ просвѣчиваетъ одна мысль, что Никонъ—врагъ божій, антихристъ. Особенно интересно описаніе брани Никона съ восточными патріархами на соборѣ (стр. 63). Когда Иларіонъ, рязанскій епископъ, сталъ читать Никону соборный приговоръ отправить его въ ссылку; онъ перебилъ его, бранилъ патріарховъ, называя ихъ

присказаніи и истинны, и судъ ихъ баснею; правила живыиши, Но-
 коновъ книгою восточною, законъ царскій еретическимъ. Ила-
 ріонъ обличалъ его жестоко, нарицая убійцею, блудникомъ, хищ-
 никомъ и «иными многими безчестными глаголы.» Когда патріар-
 хъ приказали снять съ него черный клобукъ и съ шеи панагію,
 Никонъ началъ кричать: «вы есте просаки и грабители, а не
 пастыри, и пришли есте не да пользу кую здѣ сотворите, но лестію
 въ подлѣбствомъ жестокоправныхъ человекъ сердца похитите и имо-
 щныи патриаршества точію, а не дѣломъ праву или разрешеніе учи-
 ните; и гдѣше послышае вашу, сребролюбную и аду подобную гор-
 тель ищете и пр. Павсій не утерпѣлъ и съшибъ посохомъ своего
 клобукъ съ иконовою головою. Началися укоры и брань, но обыче
 олоу греческій левъ російскаго пардоса», говоритъ Андрей Дени-
 совъ. Когда сняли съ Никона клобукъ съ жемчужнымъ крестомъ и
 панагію, усыпанную драгоценными камнями, Никонъ сказалъ: «се-
 лко прищелцы и невольницы суще, аще сія себѣ раздѣлите, — по-
 требу и отраду отъ всѣхъ скорбныхъ, бывающихъ вамъ, да нѣкое
 прося обращаете». Андрей Денисовъ говоритъ, что при Никонѣ «на-
 полнились абие узельныя узниковъ, огуетъна улицы связанными
 повоздниками, обогришася спекуляторстѣмъ бича кровію страда-
 щее; азыграша гдѣше мечи на исповѣдническихъ ныхъ, покрыши-
 ся площади казенныхъ мучениковъ тѣлесами. Не толькое убо ино-
 жество зинцей, узязшихъ въ ловитвенныхъ тенетахъ видѣшеся,
 елико повѣшенныхъ христіанъ за содержаніе благочестія зрящеся!»
 Между прочимъ онъ упоминаетъ, что при появленіи жестокихъ
 пресѣдователей многіе сожигали себя или вмѣствѣ въ домахъ, или
 же одиночкѣ, иные топились или убивали себя какимъ-нибудь
 острымъ оружіемъ. Да, они разсуждали очень логично, что лучше
 ранить, нежели всѣ расчеты съ жизнью, чѣмъ лишиться ее послѣ
 бесчеловѣчныхъ истязаній, а пожалуй, чего добраго, не вынесши
 пытокъ, отречешся поповолѣ отъ своихъ убѣжденій.

Изъ трехъ посланій Аввакума особенно хорошо поелѣднее, пред-
 смертное; оно относится къ 1680 году и проникнуто искренностью;
 силой, полно алегорическихъ русскихъ приемовъ и отличается на-
 внымъ, своеобразнымъ складомъ. «Посланіе это, говоритъ г. Мак-
 симовъ, носитъ на себѣ характеръ задушевной, откровенной испо-
 вѣди. Самая сила его и наивность изложенія — одинаково по-
 разительны и знаменательны. Между старообрядцами посланіе это
 поелъзуется глубочайшимъ уваженіемъ.»

Много говоритъ это посланіе челоуку понимающему дѣло, и мы
 не можемъ себѣ отказать въ удовольствіи — подѣлиться съ читателя-

ни и мнѣшныя любостыліи. (Примечаніе ошибочн. отъ автора). Кароче штакъ: пріятно мнѣ и на землѣ лежать, свѣтомъ одѣяному и небомъ подрытому. и небо мое, и земля моя, и мѣсто мое и вса вещь моя. Богъ мнѣ далъ... Не хотѣлося, бы мнѣ въ ябѣ докраснѣюща вѣкъ до, вслѣдствіи всако будешь вмѣстѣ не выѣвъ, цр тамо увидиши. Аминь.

«Такия торжественныя слова не нуждаются въ объясненіяхъ и сразу уличаютъ всѣ лукавыя изобрѣтенія толкователей, будто гласно именованы расколъ ратовали изъ личныхъ цѣлей. Пять, какой предметъ спорѣ бы сталъ поддѣлываться; льстить и унижать, а гдѣ сила, власть и награда. «Онъ нечистый и стремился и членомъ не положила бы голову на плаху, крестясь своимъ болѣющимъ престолъ, чѣмъ одно и то же, что царь дѣйствуетъ антихристовски. Прочтите жизнь Аввакума по изданной г. Кожанчикова рукописи, и вы согласитесь съ этимъ. Во второмъ посланіи Аввакума рѣзко обрисовывалъ, какъ Никонъ мучилъ его и другихъ раскольниковъ. (87 стр.)»

«Второй вѣстий Соловецкаго монастыря» и «Повѣсть о страданіяхъ соловецкихъ» заключаютъ въ себѣ чрезвычайно много интереснаго для исторіи раскола и согласны во многомъ съ соловецкимъ лѣтописцемъ. Много говорится о страданіяхъ старцевъ, которые отстаивали старую вѣру, по словамъ Денисова, въ числѣ ~~1000~~ человекъ, и мы не имѣемъ права не вѣрить во многомъ автору, когда соловецкій лѣтописецъ говоритъ, что воевода Левлевъ, осаждавшій обитель, отозванъ въ Москву за насильные поступки и притѣсненія монастырскихъ крестьянъ. Но особенно передается замѣчательный рассказъ о судьбѣ Ивана Захарьева, соловецкаго писаря. Во время осады Захарьевъ вышелъ съ двумя товарищами изъ монастыря и схваченъ былъ по доносу какого-то крестьянина; съ годъ сидѣлъ Захарьевъ въ острогѣ и вздумалъ написать посланіе въ утѣшеніе Силы и Алексѣя, сидѣвшихъ въ кандалажскомъ монастырѣ; въ письмѣ онъ хвалилъ старые уставы и порицалъ новые. По неосторожности носящаго письмо это было обречено, найдено и передано въ руки воеводы Волохова. Сначала онъ изломалъ Захарьеву руки встряскою, потомъ билъ его кнутомъ, затѣмъ велѣлъ поджигать тѣло его на огнѣ и наконецъ «отъ сожженнаго толика тѣла ребра клещами разжженными извличити поведе». Но и тогда воевода не насытился, по словамъ автора: остригши на головѣ Захарьева волосы, приказалъ лить на темя холодную воду втеченіи нѣсколькихъ часовъ. Двое сутки продолжались эти истязанія, на третій день воевода приказалъ страдальцу отрубить голову. Хотѣли похоронить Ивана съ честью, но воевода не позво-

